

ЛИЧНАЯ

ДЕТСТВО

— Когда ты понял, что родительские гости — сплошь знаменитости?

— Для меня естественно было видеть их и дома, и в телевизоре. Я родился в 63-м — пик популярности «Современника». Ну иногда кричал во дворе: «Да вы знаете, кто у меня папа?!» Другие точно так же хвалились братом-милиционером...

Мамин воспитание он называет «немецким» — чуть что, сразу подзатыльник. «Чуть что» случалось часто. Папа всегда был высший судья. По мелочам не лез. Но когда уж заводил разговор, значит, совсем плохо дело.

Классе в третьем Олег Николаевич вынужден был ввести отчеты. Каждое воскресенье на большом листе бумаги Миша писал, какие оценки получил за неделю. Сколько двоек. Почему. В какие игры играл во дворе. С кем подружился. Последним пунктом шли просьбы: привезти машинку или выдать пять рублей на футбольный мяч. И каждый выходной старший Ефремов решал, удовлетворить просьбу или нет.

Читать и писать мальчика научил гном. У него был аккуратный мамин почерк. Он жил в туалете за вентиляционной дверкой.

— Я писал ему записки, бабушка с дедушкой помогали. Просил прислать жвачки. Кладу подарки, кусок сахара, например. Гном присылал ответы и подарки. Все, кто приходил в гости, что-нибудь делали за гнома. Алексей Баталов машинку нарисовал — до сих пор где-то хранится. Мог бы неплохой музей получить из гномских подарков. Но лет в семь произошла трагедия. Я рылся где-то в ящичках, нашел свои письма к гному и понял, что меня подло обманывали... Ну тогда вся страна жила во лжи. Этим и оправдываю родителей.

Последняя фраза произнесена с обаятельной ефремовской — одной на двоих — улыбкой.

В основном же с ребенком занимались бабушка (домохозяйка) и дедушка (подполковник). Но, несмотря на военное воспитание, Миша остался в детском саду на «второй год». Родителям посоветовали повременить со школой.

— Неусидчивый был. Все время куда-то бежал, чего-то орал. Орал очень много.

В школе, классе в четвертом, разразился большой скандал. Миша пошутил, раздел мальчика и засунул в раздевалку к девочкам: «Чуть из пионеров не выгнали. Пришлось меня перевести в другую школу». Другая школа оказалась 31-я, спец. — блатная.

— Все на машинах подкатывали, все модные, у всех «паркер». А я пришел из шпанской школы. Недели две приглядывался, потом дома стирал «паркер». Чтоб быть, как все.

Первую роль во МХАТе получил лет в 12, в спектакле «Уходя оглянись». Определенного желания стать артистом тогда еще не было:

— Просто нужен был ребенок. Я ребенок театралный, значит, достаточно наглый. Зачем брать с улицы?

В 13 лет он пережил развод родителей. Пережил, надо сказать, довольно легко.

— Их развод для меня не был трагедией. Не могу сказать, что вошел в их положение. Просто считал, что это нормально. Так часто бывает. Меня всегда удивляют фильмы, где люди себя ведут так, как будто это только с ними такое случилось.

ОТРОЧЕСТВО

В седьмом классе Миша снялся у Инны Туманян в картине «Когда я стану великаном». Получил от студии дымковского петуха за лучший дебют года и массу писем от пэтэушниц. А в восьмом уже знал, что это его будущая профессия. И школу вообще пустил побоку. В 9-м классе подоспели съемки на телевидении — появился повод уйти в школу рабочей молодежи.

— Это была просто лафа. В одиннадцатом классе, когда снимался в картине «Все наоборот», мне позвонили из школы: «Знаете, у вас завтра экзамен». — «Какой?» — «Физика». — «Какой билет?» — «Пятнадцатый». Аттестат получился нестыдный — четыре с половиной.

— У вас была какая-нибудь специфическая тусовка отпрысков знаменитых фамилий?

— Ну в детстве шлялись по театру с Антоном Табаковым и Денисом Евстигнеевым. Когда нас не с кем было оставить. Сейчас встречаюсь с Никитой Высоцким и Славой Невинным. Но вообще-то у моих знакомых — а их довольно много — фамилии, в основном ничего никому не говорящие. И то, что в «Современнике-2» под художественным руководством Ефремова работали Высоцкий, Невинный, Евстигнеев, — в большой степени случайность. Членство в «массонской ложе» нам родители не завещали. А знаю я, естественно, многих.

ЮНОСТЬ

Хотел поступать в Щукинское. Но родители выбрали Школу-студию МХАТа. Не из-за боязни, что не пройдет по конкурсу. А просто учитывая природу своего дитяти, решили: нужно, чтоб под боком был.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Отец Миши — Ефремов Олег Николаевич, Герой Соц. Труда, н. а. СССР, лауреат Государственных премий, первый секретарь правления СТД СССР, художественный руководитель МХАТа им. Чехова, народный депутат СССР, профессор.

Мать Миши — Покровская Алла Борисовна, н. а. РСФСР, актриса театра «Современник», профессор.

Дед Миши (по матери) — Покровский Борис Александрович, Герой Соц. Труда, н. а. СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий, художественный руководитель Московского Камерного музыкального театра, профессор.

Бабушка Миши (по матери) — Некрасова Анна Алексеевна, засл. а. РСФСР, режиссер Центрального Детского театра, доцент.

Дед Миши (по отцу) — Ефремов Николай Иванович, подполковник МВД в отставке, финансист.

Бабушка Миши (по отцу) — Ефремова Анна Дмитриевна, домохозяйка.

В общем, мальчик из благополучной семьи.

Но через год призвали в армию. Совсем не блатную. В Вышний Волочек.

— Родители приезжали?

— А как же. Мама приезжала с Ней Сергеевой Савиной. И Сергеева как популярная киноартистка давала концерт, чтобы со мной были помягче. Папа приезжал в сапожнике на часок. Тоже лицом поторговать, опять же, чтоб не очень гнобили.

— Помогло?

— Помогло. Гнобили уже исподтишка.

Вернулся из армии — восстановился. Опять же без особых проблем.

— Естественно, мне было легче поступать, чем другим. И не потому, что родители кому-то звонили и просили — уверен, этого не было, — а просто потому, что они есть. И поэтому же нельзя играть плохо, даже средне. Сразу скажут: «Сынок он, а не актер». Не говорю, что я все замечательно играл. Но что честно всегда — за это отвечаю. Вообще соврать люблю, но в работе это исключено. И потому мне наплевать, что говорят. Мои родители достаточно честные люди. Если бы они видели, что я лажаюсь, они бы мне так и сказали — это не для тебя, иди займись делом.

ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ

— Родители помогали тебе пробить «Современник-2»?

— Косвенно. Представили меня Галине Борисовне Волчек — еще в пеленках. А лет двадцать с небольшим спустя она увидела наш дипломный спектакль «Пощечина» по Юрию Олеши, который мы катали по разным площадкам, и предложила создать студию под крышей «Современника». А еще через три с небольшим года предложила полюбовно расстаться.

Мы пахали там, как звери. Одного «Геракла» зоняли по сотне спектаклей в год — почти аме-

ЖИЗНЬ

риканская система — и выдохлись. Говорят, от нас ждали большего. У нас был какой-то обалденный — опять же говорят — погениал. Действительно, со сцены неслась бешеная энергия. Отец называл это эпатажем. А это не эпатаж. Это выпуск энергии в зал, типа цирка или рок-музыки.

Однажды к нам на «Тень» пришел Кишишоф Занусси, просидел все три с лишним часа и сказал, что впервые видит театр, где актеры играют не за деньги — имея в виду именно энергию. Потом он пригласил на спектакль своего ученика Анджее Чарнецкого, и тот взял меня на главную роль в фильме «Люк».

Так вот об энергии. Когда Ефремов вводил меня в «Чайку» на роль Треплева, я понял: так, как они работают, к сожалению, не умею. Там вся роль разбирается на петельки-крючочки. Мне скучно. Я либо попадаю сразу, либо нет. Так получилось в «Плахе» большого «Современника»: не влезал абсолютно. Потому что подошел к роли очень серьезно, «от головы». Зато в «Привидении» (тоже спектакле большого «Современника») — мы в нем с мамой партнерствуем) я уже придерживался своей системы. На репетиции всем, наверное, казалось, что я ничего не делаю, то опоздаю, то к монтировке отойду. Действительно, не могу сказать, что все время ходил и думал о роли. Но какая-то работа внутри, чисто душевная, без бабки, происходила. И, как говорят, роль получилась.

— Родители оценивают как-то твоё творчество?

— Мама очень много плохого говорит, но как-то у нее умно, дельно выходит. Мнение отца мне тоже интересно — все-таки крупный режиссер. В последнее время замечаю, как он ко мне добрее. Периодами. Поставлю, к примеру, спектакль — он на пару месяцев ко мне помягчает. Сыграю в фильме — лучики в глазах появляются. Сделаю роль — еще помягчает чуток. А вообще старается не давать оценок. Он, как я — мне не нравится, когда лезут в мою работу.

— Сейчас ты во МХАТе. По блату небось?

— Никуда не денешься. Но ты имей в виду и обязательно подчеркни: нас — 8 человек из остатков «Современника-2» — взяли как дебютную группу. Может, уйдем еще, может, останемся. Но студию здесь заводить не собираемся и тем более с кем-то конкурировать.

Это, впрочем, и для меня большой вопрос. Идешь ключи от репетиционной забираешь, спрашивают фамилию. Неудобно. В таких случаях, наверное, фамилию принято менять, но теперь уже поздно: я себе какое-никакое имя все-таки сделал.

— В одном из прошлогодних номеров «Советский экран» в рейтинге зрительской популярности поставил тебя на третье место. Поэтому дежурный вопрос: как ты относишься к собственной знаменитости?

— А я не знаменитый. Меня на улицах не узнают. Если же такое случается, я глупо улыбаюсь.

— А как же «Дубровский»?

— Серий в нем маловато. Еще бы пяток — и меня бы стали в магазинах без очереди пропускать. Ну ладно, ты про личную жизнь-то будешь спрашивать?

— Год назад телевидение тебя обредило на Наталье Негодее...

— Вот это действительно дежурный вопрос. Недавно я в том же «Воскресном кинозале» восстановил справедливость. Я никогда не был женат на Наташе. Одно время мы были очень близки. А потом стали далеки. Тут и началась ее слава. А потом ко мне в театр поступила Женя Добровольская. Полгода я был ее начальником и вдруг стал мужем. Мы поженились очень стремительно, пока мама была в Америке. Отец пытался оттянуть свадьбу до ее возвращения, но потом даже взял «часть вины» на себя. После этого Женя заговорила «Золотого Дюка» в фильме «Первый этаж» и спецприз жюри на фестивале в Женеве. Так что я могу открывать кооператив по выводу актрис в звезды.

— Ты не похож на кооперативщика. Помнишь, как-то английский гость во время застолья у вас в гостях удивлялся: «У тебя такой знаменитый папа, а ты живешь в таком дерьме!»

— Ну не миллионер я. (Оклад — сто сорок рублей. — И. М.) Ну живу в коммуналке. Но у нас только одни соседи — молодые ребята. Каких-то особых склок и скандалов у нас с ними нет. Бывает, поорет немножко... У Жени есть комплекс. Ей все время кажется, что мне там плохо живется, что я буду заглядываться на красивых, с «мерседесами». Нет, мне там хорошо. А еще у меня есть сын Никита. Но я с ним почти не жил, а последний год и вовсе не видел. Он сейчас живет в другой стране. Так получилось. У Жени тоже есть сын Степан.

В последнее время я редко ощущаю себя «сыночком». А если заработаю большие деньги и стану жить припеваючи, то — получится — на свои.

Ирина МОРСУНОВА.

Главный редактор А. А. АВДЕЕНКО

285-29-85